

НОСТАЛЬГИЯ

КАЛЛАС И ПАЗОЛИНИ: ЗНАЛ КТО-НИБУДЬ ОБ ЭТОЙ ЛЮБВИ?

В конце ушедшего года в Италии состоялась выставка, посвященная всемирно известной певице Марии Каллас. Если бы она была жива, в декабре ей исполнилось бы 70 лет. Посетители выставки увидели личные вещи певицы, различные документы, письма. Всем, кто ее до сих пор помнит и любит, это дало возможность увидеть оперную диву вне огней рампы, представить себе внутренний мир гениальной певицы и актрисы и в то же время глубоко несчастной женщины. А также впервые узнать о том, какие отношения связывали Марию Каллас и Пьера Паоло Пазолини — известного итальянского поэта, писателя, режиссера.

На выставке были представлены оригиналы его стихов, посвященных певице. В них — трепетный и прекрасный образ Марии Каллас, боль оттого, что автор не может ответить на любовь женщины, которая была ему так дорога. И знак искренней, преданной дружбы.

...Маленький остров в Эгейском море, 1970 год. Каллас и Пазолини проводят здесь месяц отпуска. Долгие прогулки по побережью, бескончаемые беседы. Мария без утайки рассказывает о своей жизни человеку, в которого без памяти влюбилась год назад, во время съемок фильма-оперы «Медея». Влюбилась, не зная о его гомосексуальных наклонностях, а, узнав, не ужаснулась, не убежала с негодованием, осталась рядом, стала ему лучшим другом и утешением в тяжкие дни одиночества, когда его оставил человек, которого Пазолини беспредельно любил. Кроме того, согласилась провести с ним отпуск на уединенном острове — охваченный горем поэт не хотел видеть никого, кроме нее, Марии.

Днем они гуляли, беседовали, а к закату возвращались домой. Пазолини писал стихи. И посвящал ей — Божественной. После трагической смерти поэта стихи были опубликованы, но без посвящения — никто не знал, какая нежная дружеская привязанность вызвала к жизни прекрасные строки, не подозревали даже, что Пазолини писал их для Марии Каллас, для «горожанки, живущей по законам античной морали». В стихотворении под названием «Кольцо» поэт открыто говорит о том, что было недосказано, о том, что именно кольцо стало для них двоих «мгновением истины». «Этот камень не ведет нас к браку». То был тот самый перстень, который Пьер Паоло подарил Марии после финальной сцены «Медеи». Сердолик, оправленный серебром, — как было принято в Древнем Риме. Влюбленная в своего режиссера Каллас решила, что перстень — объяснение в любви, знак помолвки, прелюдия к браку... Увы!

На берегу Эгейского моря Пазолини нарисовал несколько портретов Марии карандашом. На портретах есть и цветные пятна — он сделал их, нанося растертую в порошок землю, выдавливая сок цветов и фруктов...

Впервые Пазолини и Каллас встретились в 1969 году. Пазолини мечтал создать «варварскую» Медею, мечтал о героине, на которой изначально была бы печать обреченности. И увидел, и почувствовал это в голосе и в облике знаменитой певицы.

Ее Медея поражала всех. Вот что пишет об этом био-

граф певицы Стеллиос Галатопулос:

«Мне вспоминается лондонское представление «Медеи Керубини в «Ковент Гарден», где Мария Каллас исполняла главную роль. Я смотрел спектакль из укромного угла за кулисами. После того как спектакль начался, я увидел гибкую фигуру Каллас в длинном, тянущемся шлейфом плаще. Она спускалась со ступеней, установленных позади декораций, и казалось, она направляется вовсе не на сцену, на ее лице было неуверенное, немного нервное выражение. Она вдруг начала молиться и перекрестилась так, как это делают православные греки. Я забыл о том, что на сцене идет спектакль, и наблюдал только за ней, стараясь остаться незамеченным в своем укрытии. Но вот наступило время первого выхода Медеи. Каллас решительным движением подхватила край плаща и закрыла им лицо по глаза, как требовалось для выхода. Затем она тихо-ко постучала по дереву — на счастье — и двинулась на сцену. Восхищенный, я увидел, как она подняла руку и произнесла слова: «Я — Медея!»

Перевоспложение состоялось. Перед нами была Медея».

Прежде чем повстречаться с Пазолини, Каллас захотела посмотреть два его фильма: «Евангелие от Матфея» и «Теорему». Первый ей понравился, второй возмутил. Почему-то представляла, что в лице Пазолини увидит коммуниста-интеллектуала, готового идти на фариакды, всем были известны крайне левые взгляды режиссера. Когда же познакомилась с ним, была поражена его робкой нежностью, деликатной изысканностью чувств. Сразу же поняла, что перед ней такой же незащищенный и ранимый человек, как и она сама. И согласилась сниматься в фильме-опере «Медея», отклонив предложение Висконти, мечтавшего о Макбете, Дзеффирелли, давно решившего перенести на экран «Тоску», Лоизи, который хотел создать кинокартину о ее жизни.

«Фильм «Медея» был для Марии своеобразным посланием бывшему мужу Аристотелю Онассису. Она как бы говорила ему — несмотря на конец нашего брака, я жива», — говорит итальянский писатель Бруно Тоизи, который написал книгу о Марии Каллас. Скоро это сочинение увидит свет, оно будет иллюстрировано 220 никогда не публиковавшимися фотографиями.

Лента «Медея» особого успеха не имела, но дружеская связь, возникшая между Каллас и Пазолини, оказалась на удивление крепкой. Они ездили в дальние путешествия,

например, на Рождество в Африку вместе с Альберто Моравиа и его тогдашней женой писательницей Дачей Маранини.

Вспоминает Дача Маранини: «Когда Мария говорила что-то не попадая, Пьер Паоло, с улыбкой глядя на нее, говорил: «Мария-а-а... до бесконечности растягивая это последнее... И она замолкала, огорченная

в машине — Нинетто был с нами — мы говорили о любви и еще о чем-то. Нинетто сказал, что никогда не сможет влюбиться. Так вот внутри меня что-то говорило — ты называешь это внутренними антеннами — внутри меня что-то говорило, что он слишком молод, чтобы разбираться в этом. А ты, такой умный, такой пронырливый, ты должен был

Знаменитый режиссер свидетельствовал ей свое почтение и восхищение, писал: «Буду на спектакле во второй ложе справа». Был и стал свидетелем ужасного скандала. Мария была не в форме, плохо себя чувствовала. Спел первый акт и услышав более чем прохладный прием со стороны публики, сказала: «Все, ухожу, петь сегодня не буду». И уш-

● Мария Каллас.

● Такой нежный поцелуй...

● Пазолини. Портрет певицы.

Фото и рисунок из итальянской газеты «Коррьере делла сера».

и в то же время довольная тем, что он оборвал ее с такой деликатностью и нежностью... В те дни она тяжело переживала свой уход с оперной сцены. Хотя она сама так решила, но это приносило ей много боли, и потому всей своей трепетной душой искала понимания и любви».

После того Рождества прошло два года, и в одном из своих писем к Пазолини Каллас уже сама утешала его. (Письмо было написано в июле 1972 года, и публикуется впервые. — Прим. ред.). В те дни от Пазолини окончательно ушел любимый им человек — актер Нинетто Даволи. Мария Каллас пишет:

«Я получила книгу и твое милое письмо. Огорчена тем, что с тобой происходит, но мне приятно, что ты поделился всем со мной. Дорогой друг, я горюю, что не могу быть с тобой в это трудное для тебя время — ведь ты так часто был рядом, когда было плохо мне».

Хотя я и делаю тебе больно, повторяя известное всем, — и ты сам это прекрасно знаешь: надо принимать жизнь такой, как она есть, а ты не можешь этого сделать, потому что не хочешь».

Но ты справишься, как справилась и я, — слабая женщина — справилась и поняла, что мы можем опираться только на самих себя. Увы — не смеялся надо мной, мне особенно грустно это признать — на других долго полагаться не приходится. Таков закон природы. Помнишь, когда мы были в Градо, помнишь тот разговор

все понять, а вместо этого так привязался к мечте, которую сам же и создал... Самые сердечные пожелания...

Твоя Мария».

На итальянской выставке представлены личные вещи певицы, которые она всю жизнь носила с собой, — вещи-амулеты: иконка с изображением Святого Семейства, которую подарил ей Джанбаттиста Менегhini — ее первый муж и ее Пигмалион после итальянского дебюта на подмостках Арены ди Верона. Пояс, в котором она была в своей «первой» «Аиде» и который потом перед выходом на сцену всегда надевала под любой костюм — на счастье.

Письма, телеграммы, записки проливают особый свет на характер Марии, которую многие считали капризной, упрямой, непредсказуемой, и позволяют понять, как она была одинока, как от этого страдала. В 1966 году писала: «Основное моего характера — врожденная робость, ревность, страх, что все увидят, насколько я слаба, ранима...»

Конечно, есть на выставке и документы, свидетельствующие о самых лучших годах в жизни певицы, о ее триумфальных успехах на знаменитых сценах мира. Телеграммы, письма, предложения контрактов отовсюду. И те, что относятся к началу ее блистательной карьеры.

Среди других документов — записка от Лукино Висконти, посланная 2 января 1958 года за несколько часов до начала «Нормы» в Римской опере.

ла, несмотря на все уговоры, несмотря даже на то, что в зале находился президент республики. Шум на другой день был невероятный. А министр зрелищ разослал по всем итальянским театрам строгий наказ: Марию Каллас на сцену не пускать! К чести итальянцев надо сказать, что ни один театр не выполнил министерского указания.

Драма последних дней жизни певицы тоже нашла свое выражение в документах и фотографиях. Мария Каллас была одна, одинока, у нее тяжелая форма депрессии, ее заставляли принимать огромное количество лекарств. И все же за неделю до кончины она назначает свидание Морису Бежару, чтобы поговорить о фильме, в котором могла бы сняться. Письмо это прочитать почти невозможно, по почерку видно: это прелюдия близкой смерти... Одна из последних фотографий певицы: Мария Каллас с погасшим взглядом тихо ведет на прогулку двух любимых пуделей, ослепших от старости...

Выставка в Италии — первая инициатива «Ассоциации Марии Каллас», в директивном комитете которой восемнадцать лучших оперных примадонн всего мира. Ассоциация предполагает организовать конкурс молодых певцов имени Марии Каллас, установить несколько стипендий, открыть музей знаменитой певицы.

По итальянской прессе подготовила
Л. ФИЛАТОВА.

29.01.94